

Наиболее развитые страны, а вслед за ними и остальной мир вступают в «цивилизацию знаний», в которой производство, распространение и использование последних определяют практически все остальные социальные процессы. Возникает феномен «технонауки», в рамках которой фундаментальные исследования тесно связаны с практическими приложениями. Появляются и начинают осуществляться опирающиеся на научное знание проекты переделки человеческой телесности и психики и связанные с этим идеи «пост-человека» и «трансгуманизма». С помощью науки привычный жизненный мир взламывается и даже взрывается.

Во многих науках о человеке происходит т. н. «когнитивная революция». Появляется когнитивная психология, которая не просто исследует познавательные процессы (психология занималась этим и раньше), но пытается с когнитивной точки зрения объяснить те проявления психической жизни, которые до этого к познанию не относились: эмоции, мотивы деятельности, проявления воли, сознание и др. Появляются исследования в области искусственного интеллекта. Рождаются когнитивная лингвистика, когнитивные нейронауки. В 70-е гг. XX в. различные когнитивные дисциплины, которые не только различаются между собой, но и взаимодействуют друг с другом, были объединены в единую когнитивную науку. В это же время интенсивно развиваются исследования познания в рамках истории науки, разрабатывается программа социального анализа научного знания («социальная эпистемология»), изучается роль познавательных процессов в истории биологической эволюции («эволюционная эпистемология»).

Исследование познавательных процессов в рамках разнообразных когнитивных дисциплин, успехи практического использования научного знания порождают представление о том, что с помощью современной технонауки человек может выйти за пределы природных ограничений и создавать такие формообразования, которые ни в природе, ни в обществе стихийно возникнуть не могут. Человек начинает представляться как конструктор и проектировщик, как своеобразный «демиург Вселенной». Интенсивное развитие когнитивных исследований сулит возможности управления познавательными процессами и проектирования новых познавательных практик и даже видов психической жизни, если считать, что в основе последней лежат когнитивные процессы.

В этой связи возникает вопрос: а каково место эпистемологии в ряду разнообразных когнитивных дисциплин? И существует ли сегодня вообще это место? Ведь может показаться, что специальные дисциплины научным образом изучают то, что ранее чисто философским способом пыталась делать эпистемология.

Но есть ещё одна группа обстоятельств, характерных для современного общества, которая также заставляет задуматься над статусом эпистемологии сегодня.

Дело в том, что большую часть информации современный человек не вырабатывает лично, а получает от других. При этом часто её невозможно перепроверить. Это касается не только обычных ситуаций, но и деятельности в рамках современной «большой науки». Если бы каждый исследователь начал перепроверять или критически оценивать получаемые им сведения, как это вытекает из традиционного представления о том, что следует считать знанием, наука просто прекратилась бы. По-видимому, научное сообщество каким-то образом выходит из этой ситуации. А вот обычного человека легко ввести в заблуждение. И помогает это делать современная информационно-коммуникационная технология. Коммуникация нередко становится не средством передачи знания, а способом дезинформации.

Современные информационные технологии, колоссально опосредуя отношения между получателем информации и её источником, в огромной степени увеличивают возможности для манипулятивного воздействия на сознание. Когда человек имеет дело с той информацией, которая касается его отношений с близким окружением, он всегда может её перепроверить. К книжному тексту тоже можно подойти критически: отложить книгу, вернуться к прочитанному тексту ещё раз, переосмыслить его в свете собственного опыта. Телевидение воздействует иначе: произносимые с экрана слова исчезают прежде, чем зритель успеваеет рационально оценить значение информации, а сопровождающее их изображение обладает суггестивным воздействием, притупляющим способность к критическому размышлению. Между тем телевидение, получившее массовое распространение, во многом фабрикует образ реальности у своих потребителей путём навязывания определённой интерпретации событий и даже показывая те события, которых в действительности не было. То же в принципе относится к Интернету.

Но в этой связи возникает идея, защищаемая сегодня рядом теоретиков, о том, что познающий разум, конечно, необходим для решения конкретных жизненных задач, что возможно исследование познавательных процессов методами специальных когнитивных дисциплин, но что рациональное познание не может определять жизненные ориентиры, что во всех сложных ситуациях нельзя провести границу между простым эпистемическим верованием (мнением) и знанием, что знание – это просто то, что принято сегодня в данном сообществе (при этом основания для принятия могут быть очень разными, в том числе и внушение). Но при таком понимании эпистемология как философская дисциплина, изучающая знание, его обоснованность, взаимоотношение знания и мнения, знания и истины, критерии рациональности и т. д. оказывается просто бессмысленной.

Таким образом, эпистемология оказывается перед дилеммой: либо сохраниться как особая философская дисциплина – но для этого нужно серьёзным образом учесть современные факты, заставляющие переосмыслить традиционные представления о знании и способах его получения и обоснования, либо исчезнуть; последнее может произойти двумя способами: проблематика эпистемологии ассимилируется современными когнитивными науками, или эпистемология исчезает как потерявшая смысл в современной информационно-коммуникативной цивилизации.

Для того, чтобы обсудить вопрос о месте эпистемологии среди современных когнитивных исследований, я попробую проанализировать сначала, как исторически складывались взаимоотношения между эпистемологией и эмпирическим (научным) исследованием познавательных процессов.

Психологизм и антипсихологизм в эпистемологии

Исследование проблем эпистемологии в XVII и XVIII вв. исходило как из неоспоримой предпосылки из того, что знание и процесс его получения взаимосвязаны. Если вы хотите узнать, что такое знание, вы должны изучить, как оно возникает в реальном познавательном процессе, какова роль в этом опыта и интеллекта, как первый взаимодействует со вторым. Эпистемология, таким

образом, выступает как результат эмпирического исследования познавательных способностей человека. Конечно, не всё, что фактически имеет место в познавательной деятельности, например, иллюзии восприятия, влияние сильных эмоциональных переживаний на процесс мышления, логические ошибки в рассуждении и т. д., ведёт к получению адекватного знания. Поэтому эпистемолог фиксирует не все зависимости, имеющиеся в реальном познавательном опыте, а только те из них, которые привели к удачному результату – получению адекватного знания. Задача эпистемологии, таким образом, двуединая: дать определённые рекомендации, сформулировать стандарты отличия знания от незнания и псевдознания (прескриптивная задача) и вместе с тем описать и объяснить реальный познавательный процесс (дескриптивная и объяснительная задача). Считалось, что противоречий между этими двумя задачами нет и быть не может, так как рекомендации возможны только на основе изучения реальной познавательной деятельности и выделения в ней успешных результатов.

Поэтому в эпистемологических трактатах XVII и XVIII вв. философские рассуждения и анализ фактов сознания и психической жизни не просто соседствуют, но в сущности неотделимы друг от друга. Именно в философских текстах этого времени были сформулированы такие идеи, которые оказали большое воздействие на психологию, когда она отделилась от философии и стала самостоятельной наукой: выявленная Дж.Беркли зависимость между зрением и осязанием, роль ассоциаций в психической жизни и выделение типов ассоциативных зависимостей, анализировавшиеся Д.Юмом, возможные взаимовлияния разных чувственных модальностей, исследовавшиеся в «мысленных экспериментах» Э.Кондильяка и др. Анализ фактов сознания служит опорой для оценочных, нормативных суждений. Так, например, с точки зрения Дж.Беркли, если в основе познания лежат чувственные ощущения, то постулируемые классической механикой абсолютные пространство и время лишены смысла.

Во второй половине XIX в. психология отделилась от философии и стала экспериментальной наукой. Но установка на то, что теория познания (эпистемология) может разумно строиться только с опорой на психологические факты, не только не исчезла, а стала отчётливо декларироваться. Так, например, для Д.С.Милля теория

познания и логика – особая часть психологии. Популярная в начале XX в. эпистемологическая концепция Э.Маха претендовала на точный анализ известных к тому времени психологических фактов (сам Э.Мах был не только философом, но и выдающимся физиком, а также заведовал кафедрой экспериментальной психологии). Свои эпистемологические рекомендации он строил с опорой на собственные психологические изыскания. Так, например, с точки зрения Э.Маха реальное познание соблюдает принцип «экономии мышления», который в свою очередь объясняется психофизиологической особенностью организма: стремлением к наименьшей трате сил. А из принципа «экономии мышления» вытекает, в частности, разная оценка феноменологических и объяснительных теорий в физике и рекомендация строить первые и отказываться от вторых.

Однако уже в конце XVIII в. возникло мощное противодействие эпистемологическому психологизму. Это началось с И.Канта.

Он исходит из того, что зависимости, установленные чисто опытным путём, не могут быть необходимыми, так как допускают возможность модификации, корректировки или даже опровержения. Между тем мы имеем такие результаты познавательной деятельности, которые бесспорны. Это «чистая математика» и «чистое естествознание» (принципы естественнонаучного исследования), характеризующиеся возможностью получения необходимых утверждений, не прибегая к опыту. Это несомненные факты. Задача философии в том, чтобы понять, как они возможны. И здесь Кант использует свой знаменитый «трансцендентальный аргумент»: если бесспорно существует некое явление X, то в качестве условия его возможности необходимо должно существовать другое явление – Y. Кант утверждал, что необходимым условием возможности «чистой математики» является существование априорных, т. е. независимых от опыта форм чистого чувственного созерцания – пространства и времени, а необходимым условием возможности «чистого естествознания» – существование набора априорных категорий рассудка, на основании которых можно сформулировать принципы «чистого естествознания» и схематизмы рассудочной деятельности; последнее предполагает также привлечение априорной формы времени. Таким образом, эпистемология у Канта строится принципиально отлично от того, как это делалось у психологов: не путём наблюдения и исследования отдельных эм-

пирических фактов познания, а на основе выявления необходимых условий возможности некоторых неоспоримых и принципиальных его явлений. Априорные рассудочные категории не выявляются путём наблюдения за эмпирической деятельностью рассудка, а предполагаются (полагаются) с помощью трансцендентального аргумента. Категории вообще нельзя наблюдать, созерцать – можно созерцать схематизмы рассудочной деятельности, когда к категориям присоединяется такая априорная форма чувственности, как время. Чистые априорные формы чувственности – пространство и время – могут созерцаться. Это даже необходимо, так как этого рода созерцание лежит в основе временного ряда чисел и чистых пространственных форм, делающих возможной математику как априорную дисциплину. Но это особого рода созерцание, непохожее на обычное чувственное восприятие, – что-то вроде «априорного созерцания».

Таким образом, по И.Канту, для того, чтобы понять, как возможно знание и как отделить знание от незнания, не нужно эмпирическим способом изучать познавательные процессы. С последними имеет дело психология как эмпирическая дисциплина, которая, по И.Канту, в принципе не может стать теоретической. Философское понимание знания достигается на основе трансцендентального анализа.

Критика психологизма в эпистемологии достигла апогея у Гуссерля в начале XX в. **Непосредственными объектами её** стали такие известные в то время психологи в философии, как Д.С.Милль, Э.Мах, В.Зигварт и др. Э.Гуссерль тоже трансценденталист, но у него речь идёт уже о трансцендентальной феноменологии. Это значит, что задача теории познания как философской дисциплины состоит не в нахождении трансцендентальных аргументов, а в непосредственном узрении, видении неких эйдетических сущностей, связанных с постижением того, что является знанием. Последнее достигается соответствием того, что мнится, полагается, тому, что дано в сознании с полной очевидностью. Теория познания при таком понимании – это эйдетическая дисциплина, связанная с описанием феноменов трансцендентального сознания, а именно тех, которые определяют условия возможности знания. Психология, в том числе исследующая познавательные процессы, как и любая другая наука, работает в условиях натуралистической

установки. Трансценденталистская и натуралистическая установки сознания исключают друг друга. Обоснование необходимости, аподиктичности положений математики, логики, теории познания исключает, с точки зрения Э.Гуссерля, всякий натурализм: не только в виде психологизма, но также историцизма и социологизма.

Феноменология, таким образом, – это философия сознания. Если в первый период деятельности Э.Гуссерля (к этому периоду и относится его развёрнутая критика психологизма) проблемы обоснования логики и теории познания были в центре его исследовательских интересов, то впоследствии его начали интересовать другие проблемы, а эпистемологическая тематика как бы отошла на задний план и оказалась подчинённой проблеме философии сознания.

После Э.Гуссерля критика психологизма в эпистемологии пошла по новому направлению. И это связано в частности с тем, что ряд философов усмотрел именно в феноменологии пережитки психологизма.

В самом деле, ведь именно традиционная эмпирическая психология пыталась анализировать явления сознания, сочетая при этом экспериментальный метод с интроспекцией, самонаблюдением, фиксацией субъективных переживаний. Но разве Э.Гуссерль не продолжал эту же работу? Правда, он отличал эмпирическое сознание от трансцендентального, а свой метод «эйдетического узрения» от психологической интроспекции. Однако на деле, заявляли критики феноменологии, невозможно отделить трансцендентальное, «чистое» сознание от обыкновенного, а обычную интроспекцию от феноменологической «направленности взора внутрь». Непонятно, как можно получить прокламируемую феноменологией абсолютную самоочевидность. Та очевидность, с которой имеет дело обычный опыт, всегда условна, субъективна и относительна.

В 20-е–30-е гг. XX в. в самой психологии шла мощная критика старого ментализма в пользу бихевиористской парадигмы, сводившей задачи исследования в этой области к изучению поведения, т. е. ориентировавшей на психологию «от третьего лица» в противовес старой психологии «от первого лица». Но феноменологическое описание тоже осуществляется «от первого лица» – недаром Э.Гуссерль предлагал понимать трансцендентальную феноменологию как эгологию.

В этих условиях антипсихологизм в эпистемологии приобрёл новую форму. Она была найдена в аналитической философии в виде анализа языка.

Именно этим и должен, с подобной точки зрения, заниматься философ. Его работа не похожа на деятельность учёного-лингвиста. Для последнего важно исследовать реально существующие языки с их лексическим составом и грамматикой, диалектами, изменениями во времени, территориями распространения и т. д. Это эмпирическая работа. Философ интересуется логическими структурами языка – на уровне логического синтаксиса и семантики, которые непосредственно в языке не даны: язык обычно их скрывает и причудливо «переодевает». В философском анализе может использоваться аппарат современной символической логики (одна из версий аналитической философии) или же специальная неформальная техника по выявлению «глубинной грамматики» языка (другая версия). И хотя язык с его логическими структурами и «глубинной грамматикой» некоторым образом «дан» философу, деятельность последнего может рассматриваться как в известном смысле априорная, во всяком случае не требующая привлечения эмпирических научных знаний (в англо-американской аналитической философской традиции это называется «armchair philosophy», т. е. философствование, сидя в кресле).

В этом случае центральной оказывается философия языка с её проблемами значения, смысла, референции, синонимии и др. А проблематика теории познания (эпистемологии) либо вообще лишается философского статуса, либо занимает подчинённое место.

Если Э.Гуссерль пытался построить антипсихологическую теорию познания (эпистемологию), которая, правда, постепенно отошла на периферию его философских интересов, то в аналитической философии теория познания первоначально вызвала подозрение как психологическая дисциплина, которая не имеет отношения к философии. Так, в своём знаменитом «Логико-философском трактате» Л.Витгенштейн писал: «Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука. Теория познания есть философия психологии»¹. Популярный в 1930-е гг. логический позитивист А.Айер считал, что теория познания – это не философия и не наука, а псевдонаука. Отношение к эпистемологии как к чему-то не вполне легитимному сохрани-

лось у Л.Виттгенштейна и в поздние годы, когда он отказался от многих своих ранних установок. Г.Райл, развивая ряд идей позднего Л.Виттгенштейна, пытался показать, что центральные проблемы эпистемологии основаны на неверном понимании способов употребления ряда слов обыденного языка. Он, в частности, выделил два типа использования слова «знать»: «знать, что» и «знать, как (сделать что-то)». По Г.Райлу, традиционная эпистемология смешивала два способа употребления этого слова и тем самым совершала категориальную ошибку, порождая псевдопроблемы. Знание, с точки зрения Г.Райла, отличается от мнения не своей обоснованностью – как считалось в классической эпистемологии, – а лишь тем, что претендует на достижение чего-то. Обсуждавшаяся в эпистемологии проблема взаимоотношения ощущений («чувственных данных») и восприятия тоже, с точки зрения Г.Райла, относится к таковым, так как предполагает перенесение на первые специфических характеристик вторых. Но глубинная грамматика языка, по Г.Райлу, не такова. Высказывания о восприятии предполагают, что мы наблюдаем нечто, а высказывания об ощущении (красного, громкого, твёрдого и т. д.) только то, что мы нечто имеем. Эпистемология с её специфической проблематикой обоснования знания и обсуждения того, что этим предполагается: проблема истины, реальности, отношения знания к реальности и т. д. – фактически рассыпается.

Правда, ряд философов, работавших в рамках аналитической традиции, разрабатывали эпистемологические концепции. С точки зрения логических позитивистов, структура языка и существующие в нём критерии осмысленности определяют понимание знания в качестве того, что верифицировано опытом. Поэтому проблематика обоснования знания – как обыденного, так и научного – была предметом дискуссий, иногда весьма острых. При этом все обсуждения переводились из «материального» в «формальный модус», т. е. привязывались к логическому анализу структур языка. Так, например, проблема взаимоотношения чувственных данных и физических вещей ставилась в форме вопроса о возможности или невозможности перевода языка чувственных данных на язык физических вещей, а проблема статуса теоретических объектов – в форме вопроса о логических связях теоретических и эмпирических высказываний.

Один из лидеров логического позитивизма Г.Райхенбах сформулировал тезис, который был принят его коллегами как несомненный. Согласно Г.Райхенбаху, существует контекст открытия (получения) высказываний, претендующих на знание, и контекст их обоснования. Философия имеет дело только со вторым. Первый же исследуется в психологии и других эмпирических науках. К.Поппер, хотя и не был логическим позитивистом, но разделял ряд его установок и подчёркивал, что современную эпистемологию в отличие от классической не интересует вопрос о происхождении идей, а только о их «испытываемости» в ходе рациональной дискуссии.

Новый всплеск интереса к проблемам эпистемологии в аналитической философии связан с публикацией в 1972 г. статьи американского философа Э.Геттиера, в которой он сформулировал получивший известность парадокс: обоснованное знание может не быть истинным, а истинное может быть необоснованным². Попытки решения этого парадокса породили огромную литературу и стимулировали возникновение ряда новых эпистемологических концепций: экстернализм, релейэбилизм, «эпистемологию добродетелей» (*virtue epistemology*) и др. Сегодня в аналитической философии проблематика эпистемологии занимает важное место. Она исследуется известными учеными. Дискуссии на эти темы не прекращаются. Изучаются смысловые связи между разными утверждениями, имеющими эпистемический характер, предлагается множество остроумных решений.

Вместе с тем изучение литературы по проблемам эпистемологии в рамках современной аналитической философии порождает двойственное чувство. С одной стороны, нельзя не восхититься тонкостью и оригинальностью предлагаемых решений, основательной проработкой деталей, как это иногда называют, «смысловых нюансов». С другой стороны, применение современной логической техники (а новые логические системы появляются всё время) не делает обсуждаемые проблемы проще и легче решаемыми, а напротив, усложняет их всё больше хотя бы потому, что выявляет в них всё новые детали. При этом неясно, что считать признаком решения той или иной проблемы. Философский анализ предполагает использование определённой аргументации. Последняя включает в себя не только логическую технику, но и опору на интуицию и здравый смысл. Однако оказывается, что интуиция у разных авторов может